

Я не знаю, откуда она появилась в нашей квартире. Белая, слегка пухлая и очень шумная в процессе.

Скорее всего, два похмельных грузчика, тяжело дыша, затащили ее на второй этаж, благодаря своего бога грузчиков, что в этот раз заказ пришелся поближе к земле.

Поскупившись на деньги, хозяйка нашей квартиры не стала брать новую стиральную машину, поэтому нам досталась старушка, мечтающая побыстрее закончить свою, полную страданий, жизнь. Однако никто ее хоронить не спешил.

Несмотря на благородный возраст, должным уважением она не пользовалась – мы звали ее стиралка. Это все равно что свою родную бабушку называть старухой. Стару-у-уха!

Как больная пенсионерка, не всегда успевающая в туалет, после каждой стирки она пускала жидкость, которая подло растекалась по всей кухне. Работу с бельем она сопровождала ужасающими звуками и нервными, дергаными движениями, будто бы у нее приступ эпилепсии.

Выполнив работу, стиралка терпеливо ждала, когда из нее вытащат до конца не отжавшееся белье, достанут и высушат тряпки, лежащие под ее брюхом, которые хоть как-то сдерживали потоп, и повернут ее белый мозжечок от «быстрой стирки» до OFF.

Помимо основных обязанностей, стиралке приходилось выносить выходки маленького и неверо-

ятно активного ребенка, который то и дело подбегал к ней и, вставая на носочки, начинал крутить белый мозжечок и долбить по всем имевшимся кнопкам. Рано или поздно стиралке приходилось повиноваться детскому произволу и вхолостую крутить барабан.

На звуки незапланированной стирки прибегала мать ребенка и, громко ругнувшись и хорошо приложившись ему по попе, выключала стиралку. Сцена эта с разной степенью громкости и количеством ударов могла повторяться от двух до пяти раз в день. Это сильно изматывало стиралку, которой не то чтобы повысили пенсионный возраст, а просто-напросто отменили его – работай, пока не содохнешь. Для стиралок, к сожалению, еще не придумали эвтаназию.

Бывало, что в супружеской комнате начинали орать друг на друга родители ребенка, и тогда с большой долей вероятности из комнаты мог выскочить глава семьи и, выкрикивая матом риторические вопросы, со всей силы вдарить с ноги по ее круглой белой двери, да так, что та чуть не срывалась с петель.

«Какого хрена я должен это терпеть?» – орал он. У стиралки был тот же вопрос.

Если главе семьи когда-нибудь удалось бы отломить ей дверь, стиралка была бы только счастлива, поскольку, скорее всего, ее отвезли бы на помой-

ку, где нет криков, мокрого белья и злого ребенка с узкими и хитрыми глазами. Именно это медленное бездверное ржавление можно было бы назвать счастливой старостью.

Глава семьи шумно обувался, цапал с вешалки куртку и, нащупав там ключи, выбежал из дома, громко хлопая железной дверью. Через несколько минут из супружеской комнаты выходила заплаканная мать ребенка и закрывала железную дверь на щеколду. Она шла умываться и, убедившись, что в детской комнате никто не проснулся, включала чайник.

В отличие от стиралки, я был новеньким и работал исправно. На меня никто не ругался, и даже когда мою крышку закрывали с чрезмерным рвением, меня это лишь бодрило.

На столешнице, где я жил, всегда было чисто. Ребенок до меня не дотягивался, а соседка-соковыжималка в основном спала, не донимая лишний раз своими чрезмерными вибрациями.

Стиралка находилась прямо подо мной, и всякий раз, когда после тяжелой работы она начинала тихо выпускать из-под себя воду, мне было ее жалко. Свою воду я нагревал и отдавал по назначению – через горло, и, наверное, сгорел бы со стыда, пустив ее через днище.

Запустив в кружку, где была моя горячая вода, чайный пакетик, мать ребенка обнажала конфету и, медленно похлебывая из кружки, принималась импульсивно набирать сообщения в телефоне. «Дзнь! Дзнь!» – приходили ответы.

Вскоре просыпался ребенок и, неуверенно выходя из детской, жмурясь, смотрел на маму. «М-м-м!» – произносил он, показывая ручкой на железную дверь, в проеме которой недавно пропал глава семьи. «М-м-м!» – повторял он и, подойдя к маме, обнимал ее за ногу.

Мама снимала с него штаны, носки, футболку и памперс и, помыв ребенка, под его внимательным контролем закидывала все, кроме памперса, в стиралку. Ребенок помогал закрыть дверцу и, когда раздавался соответствующий шелчок, обозначающий, что дверца зафиксирована, начинал хлопать сам себе в ладоши. «Молодец, – подтверждала мама. – Сейчас будем есть». «Я не хлопал стиралке – я дал себе пять», – говорило его детское, но наглое выражение лица.

Спустя несколько мультиков, прочитанных страниц, кружек чая и сообщений в телефоне домой возвращался поддатый глава семьи. «Ну, привет!» – с улыбкой говорил он в сторону кушающего ребенка. «Привет, любовька», – нежно отвечала мать ребенка.

Я понимал, что они предварительно помирились в переписке и, возможно, сейчас поставят ребенка самым проверенный мульттик «Три кота», чтобы, уйдя в другую комнату, мириться по-настоящему.

У них было в запасе немного времени до прихода мастера по стиральным машинам, которого они вызвали вчера. Может, ее наконец подлечат.

Стиралка закончила работать над одеждой ребенка и под стоны примирительного перепихона в соседней комнате потекла.

– Не разувайтесь! – сказала слегка растрепанная мать ребенка заходящему в квартиру мастеру.

Глава семейства, не до конца одевшись, незаметно перебежал в комнату, где ребенок смотрел мультфильм, и решил на время остаться там. Коридор по-питерски был соединен с кухней, но несмотря на это, а также на совет матери ребенка, мастер снял обувь.

– Кто у нас тут? – сказал седой мастер в очках с незапоминающимся лицом и уверенно направился к стиралке.

– Она постоянно течет. Иногда ни с того ни с сего перестает работать, – стала жаловаться мать ребенка.

– По-осмо-отрим. – Мастер сел на корточки перед стиралкой и расстегнул сумку с инструментами.

– Белье до конца не выжимает! – добавляла мать ребенка накопившиеся претензии. – Тупит!

– Сколько она уже у вас? – Мастер нежно провел ладонью по белой поверхности стиралки.

В этом доме никто к ней так не прикасался.

– Ну, с нами она уже год, а до этого здесь жили другие люди, так что я не знаю.

– Старенькая уже, – даже не оглядываясь в сторону матери ребенка, продолжал нежно гладить стиралку мастер. – Давай посмотрим, что у тебя внутри.

Если кто-то и нашел себя в этой жизни на сто процентов, так это был тот мастер. Думаю, если бы ему не платили деньги за ремонт стиральных машин, он трудился бы бесплатно. Жил бы на пенсию и ходил гладить чужие стиралки. Его супруга вряд ли была бы против, давно смирившись с приоритетами, которые расставил не в ее пользу больной на всю голову муж.

Стало немного жаль, что я не сломан и ко мне не пришел такой же добрый мастер чайников, впрочем, я слышал, что чайники не ремонтируют. Чайники сразу выкидывают, а еще называют ими глупых людей, что еще обиднее.

Глава семьи вышел из комнаты, откуда раздавалось «Три кота, три кота! Два кота и одна кошечка. Мяу!»

– Здравствуйте! – бодро поздоровался он с копошащимся мастером и подмигнул матери ребенка – неплохо, мол, помирились.

– Здравствуйте, – равнодушно и в тон ответил мастер, запустая голову в чрево стиралки.

Белая крышка уже аккуратно лежала на полу.

– Как она там? – без явного интереса спросил глава семьи.

– Ну вот вам сколько лет, молодой человек? – не высовывая головы, спросил увлеченный процессом мастер.

– Двадцать семь.

– Ну эта старушка ненамного вас моложе. Ее невыгодно ремонтировать, легче новую взять.

– И что делать?

– Говорю же, искать новую, – наконец достав голову, на выдохе произнес мастер и, подняв с пола белую крышку, начал ее закручивать.

– Да уж. Сколько мы вам должны?

– За вызов я беру семьсот рублей, – попытался включить стиралку мастер. – Опа-на! Она совсем перестала работать.

– Вы ускорили ее смерть? – как можно деликатнее спросила мастера мать ребенка.

– Вообще не надо было ее вскрывать. – Мастер начал заново откручивать белую крышку.

– А ведь именно в ней ты постирала мой паспорт, – обратился к матери ребенка глава семьи и достал из холодильника початую бутылку водки, чтобы, видимо, начать поминать стиралку.

– Да, а я так часто забывала в одежде монеты, что эта стиралка могла бы считать себя машиной по отмыванию денег, – под одобрительную улыбку главы семьи пошутила мать ребенка.

Мастер, что-то бормоча, возился с отверткой в чреве стиралки. Мать ребенка не присоединилась к поминкам, которые устроил, не дождавшись ухода мастера, глава семьи, и решила еще раз выпить чаю. Меня опять включили.

– Я, кажется, понял, в чем дело, – подал голос мастер.

«Да ладно!» – изобразил губами глава семьи, наливая вторую рюмку.

– Может, присоединитесь? – сказал он в сторону мастера.

– Нет, мне еще на один заказ идти. – Он второй раз закручивал белую крышку.

– Не хочешь, любовька? – тогда он обратился к матери ребенка.

«Позже», – мать ребенка тоже перешла на немой язык.

Мастер еще несколько раз попытался воскресить стиралку, но безуспешно.

– Да бог с ней, – сказал глава семьи и протянул вспотевшему и грустному мастеру семьсот рублей.

Не спросив рожок, мастер с усилием натянул ботинки, и мать ребенка закрыла за ним дверь.

– Мы, кажется, кое-что не закончили, – сказал порозовевший глава семьи.

– Что же это?

– Включи «Три кота» – и узнаешь.

Судя по тишине в соседней комнате, ребенок ткнул на пульте красную кнопку и теперь пытался вернуть мультик.

Я уже было смирился с потерей своей горемычной подруги, но на следующий день ребенок как ни в чем не бывало начал крутить ее белый мозжечок. Стиралка не смогла долго притворяться мертвой и запустилась. Детей, говорят, не обманешь.

